

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ОЛИВЕР
ГОЛДСМИТ

Векфильдский
священник

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Oliver Goldsmith
THE VICAR OF WAKEFIELD

Перевод с английского *Татьяны Литвиновой*
под редакцией *Корнея Чуковского*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы
фрагменты работы художника *Филиппа Гермогена Кальдерона*

Голдсмит, Оливер.

Г60 Векфильдский священник / Оливер Голдсмит ; [перевод с английского Т. Литвиновой под редакцией К. Чуковского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-215680-9

Оливер Голдсмит (1728–1774) — англо-ирландский писатель, поэт и драматург, одна из заметных фигур «георгианской» литературной сцены. Голдсмит писал в самых разных жанрах — повести, пьесы, стихи и эссе; его острый юмор, доброжелательная ирония и склонность к сентиментализму сделали его героев и мотивы узнаваемыми для следующих поколений читателей.

«Векфильдский священник» — рассказ от лица добродушного священника Чарльза Примроуза: его семья переживает потерю состояния, клевету и обман, но сохраняет веру и взаимную преданность. Роман, сочетающий комические сценки и сентиментальную прозу, исследует темы веры, семейного достоинства и социальной несправедливости; простота образов и человечность сделали книгу классикой XVIII века.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Литвинова Т.М., перевод на русский язык.
Наследники, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-215680-9

*Sperate, miseri; cavete, felices*¹.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В предлагаемом труде тысяча недостатков, и вместе с тем можно привести тысячу доводов в пользу того, что недостатки эти являются его достоинствами. Впрочем, в этом нет надобности. Книга бывает занимательна, несмотря на бесчисленные ошибки, и скучна, хоть в ней не найдется ни единой несообразности. Герой этой повести совмещает в себе трех самых важных представителей человеческого рода: священника, земледельца и главу семьи. Он равно готов поучать и повиноваться; в благополучии прост, в несчастье величественен. Кому, впрочем, в наш век утонченности и процветания придется по душе такой герой? Те, кого привлекает великосветская жизнь, с презрением отвернутся от непритязательного круга, собравшегося у семейного очага; те, кто привык принимать непристойности за остроумие, не найдут его в простодушных речах селянина; тем, кто воспитан ни во что не ставить религию, будет смешон человек, черпающий главное свое утешение в мыслях о будущей жизни.

Оливер Голдсмит

---

¹ Надейтесь, страждущие; трепещите, счастливыцы (*лат.*).

ГЛАВА I

*Описание векфильдской семьи, в которой
фамильное сходство простирается не только
на внешние, но и на нравственные черты*

Всю жизнь я придерживался того мнения, что честный человек, вступивший в брак и воспитавший многочисленное семейство, приносит в тысячу раз больше пользы, чем тот, кто, пожелав остаться холостым, только и знает, что болтать о благе человечества. По этой-то причине, едва миновал год после моего посвящения, как я начал подумывать о супружестве; и в выборе жены поступил точно так же, как поступила она, когда выбирала себе материю на подвенечный наряд: я искал добротности, не прельщаясь поверхностным лоском. И надо сказать, что жена мне досталась кроткая и домовитая. К тому же, не в пример другим нашим деревенским девицам, она оказалась на редкость ученой — любую книжку осилит, если в ней не попадаются чересчур уж длинные слова. Что же до варений, да солений, да всяческой стряпни, так тут уж никому за ней не угнаться! Кроме того, она хвалилась чрезвычайной своей бережливостью, хотя я не могу сказать, чтобы мы

вследствие экономических ее ухищрений стали особенно богаты!

Как бы то ни было, мы нежно любили друг друга, и чувство наше крепло по мере того, как сами мы старились. Словом, мы не имели причин роптать ни на судьбу, ни друг на друга. Жили мы в прекрасном доме, посреди живописной природы, и общество, окружавшее нас, было самое приятное.

Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние, и из зимних — в летние.

Жилище наше стояло неподалеку от проезжей дороги, и к нам частенько навевывались путники и прохожие, которых мы непременно потчевали крыжовенной настойкой, ибо она составляла гордость дома; и должен сказать со всей беспристрастностью историка, что никто ни разу ее не хулил. Многочисленная родня, иногда такая дальняя, что мы даже не подозревали о ее существовании, помнила о своей кровной связи с нами, не справляясь с гербовником, и частенько нас навещала. Не всегда, однако, родство это придавало нам блеск, так как среди родственников попадалось немало увечных, слепых и хромых. Но жена

моя полагала, что раз они одной с нами крови, то и место им за одним с нами столом. Таким образом гости наши, хоть они не блистали богатством, оставались всегда всем довольны. Известно ведь, и это непреложная истина, что чем беднее гость, тем легче ему угодить. А для меня счастливое лицо все равно, что для иного любителя красивый тюльпан или редкая бабочка. Впрочем, если среди наших родственников попадался человек вовсе непутевый, или кто-нибудь из них оказывался очень уж беспокойным гостем, пил, наконец, просто был нам не по душе, я стремился одолжить ему что-нибудь — куртку, башмаки или не слишком дорогую лошадь — и всякий раз с величайшим удовлетворением замечал, что человек этот больше у нас не появляется. Таким образом избавлялись мы от людей нам неприятных. Но конечно же, ни страннику, ни бедняку, нашедшему приют в лоне векфильдского семейства, отказа никогда не бывало.

Так прожили мы несколько лет, наслаждаясь безмятежным счастьем. Разумеется, посещали нас иногда и невзгоды, но ведь провидение ниспосылает их нам лишь затем, чтобы мы могли еще сильнее оценить его милости. То школьники заберутся в мой фруктовый сад, то жена припасет сладкую подливку к пудингу, а кошки или дети возьмут да и полакомятся ею без спросу. Иной раз помещик заснет в самом трогательном месте мо-

ей проповеди, а то, глядишь, его супруга, повстречавшись в церкви с моей, ответит на ее любезное приветствие едва приметным поклоном. Но все эти мелкие неприятности тут же нами и забывались, и к концу третьего или четвертого дня мы уже сами обычно дивились своей досаде.

Наградой за умеренность, которой придерживались всю жизнь родители, было то, что дети наши появились на свет здоровыми, не изнеженные последующим воспитанием, такими же и выросли; сыновья — полные жизненных сил крепыши, дочери — цветущие красавицы. Всякий раз, что я окидывал взглядом всю эту маленькую компанию, которой суждено было со временем сделаться опорой моей старости, мне невольно приходил на ум всем известный анекдот о графе Абенсберге: когда Генрих II проходил через Германию¹, все вельможи встречали его дорогими подарками, граф же подвел к своему государю собственных детей, в количестве тридцати двух человек, говоря, что это самая большая его драгоценность. У меня их было, правда, всего только шестеро, но я тем не менее полагал, что принес отечеству чрезвычайно щедрый подарок, и в силу этого считал, что оно в долгу передо мной. Старшего нашего сына называли Джорджем в память его дяди, оставившего

---

¹ Генрих II (973–1024) император Священной Римской империи с 1002 года. Эпизод, о котором идет речь, относится к 1023 году.

нам десять тысяч фунтов. За ним шла девочка, которую я хотел назвать Гризельдой в честь ее тетки, но этому воспротивилась жена; она зачитывалась романами все то время, что была беременна, и настояла на том, чтобы дочь нарекли Оливией. Не прошло и года, как у нас родилась еще одна девочка. На этот раз я решительно был намерен назвать дочь Гризельдой; но тут одна из наших богатых родственниц пожелала крестить ее и выбрала ей имя Софья. И вот у нас в семье завелось два романтических имени, но, право же, я в этом ничуть не виноват. Следом за ними появился Мозес, а после перерыва в двенадцать лет у нас родилось еще два сына.

Тщетно стал бы я скрывать восторг, охватывавший меня при виде всей этой молодой поросли; но еще больше гордилась и радовалась, глядя на них, моя супруга. Бывало, какая-нибудь гостья скажет:

— Поверьте, миссис Примроз, таких хорошеньких деток, как ваши, во всей округе не сыщешь!

— Да что вы, милая, — ответит жена, — они таковы, каким их создало небо: коли добры, так и пригожи; по делам ведь надобно судить, а не по лицу.

И тут же велит дочерям поднять головки; а сказать по правде, девицы у нас были и в самом деле прехорошенькие! Ну, да наружность в моих

глазах вещь столь незначительная, что, если бы кругом все не твердили о красоте моих дочерей, я бы о ней вряд ли и упомянул. Оливия, которой исполнилось восемнадцать лет, обладала всепокояющей красотой Гебы¹, как ее обычно рисуют живописцы, — открытой, живой и величавой. Черты Софьи на первый взгляд казались менее разительны, но действие их было тем убийственнее, ибо в них таились нежность, скромность и полное соблазна очарование. Первая побеждала сразу, с одного удара, вторая — постепенно, путем повторных атак.

Душевные свойства женщины обычно определяются ее внешним обликом. Так, во всяком случае, было с моими дочерьми. Оливии хотелось иметь множество поклонников, Софье одного, да верного. Оливия подчас жеманилась от чрезмерного желания нравиться, Софью же так страшила мысль обидеть кого-нибудь своим превосходством, что она иной раз даже пыталась скрывать свои достоинства. Первая забавляла меня своей резвостью, когда я бывал весел, вторая радовала благоразумием, когда я был настроен на серьезный лад. Ни в той, ни в другой, однако, качества эти не были развиты до крайности, и я часто замечал, что дочери мои как бы меняются друг с дружкой характерами на целый день. Так, стоило резвухке

---

¹ Геба — богиня вечной юности (*греч. миф*).

моей, например, облачиться в траур, как в чертах ее проступала строгая важность, и напротив — несколько ярких лент вдруг придавали манерам ее сестры несвойственную, казалось бы, им живость. Старший сын мой, Джордж, получил образование в Оксфорде, так как я предназначал его для одной из ученых профессий¹. Второй сын, Мозес, которого я прочил пустить по торговой части, обучался дома всему понемножку.

Ну, да невозможно сказать что-либо определенное о характере молодого человека, который еще не видел света. Словом, фамильное сходство объединяло их всех, и, собственно, у всех у них характер был одинаковый — все были равно благородны, доверчивы, простодушны и незлобивы.

---

¹ Учеными профессиями в Англии того времени считались богословие, юриспруденция, медицина и музыка. Обучали этим профессиям обычно уже после окончания университета, дававшего общее классическое образование, в корпорациях лиц соответствующих профессий.

ГЛАВА II

*Семью постигает несчастье. Лишившись
состояния, человек благородный не теряет
чувства собственного достоинства*

Почти всеми мирскими делами нашей семьи вершила жена; но в вопросах духовных я был полный хозяин. Мой приход доставлял мне ежегодно около тридцати пяти фунтов, которые я жертвовал целиком в пользу вдов и сирот священнослужителей нашей епархии; обладая изрядным состоянием, я мог не заботиться о вознаграждении и испытывал тайную радость при мысли, что исполняю свой долг безвозмездно. Кроме того, я решил не держать помощника и вменил себе в обязанность хорошенько познакомиться со всеми своими прихожанами, призывая людей семейных к трезвости, а холостым рекомендуя супружество; так что за несколько лет моего пребывания в Векфильде там даже сложилась такая поговорка: «В Векфильде три недостатка: священнику недостает чванства, молодым людям — невест, а кабатчикам — завсегдатаев».

Брак всегда был излюбленным предметом моих рассуждений, и я даже составил несколько проповедей, в которых доказывал, что он является не-

пременным залогом счастья; тут, однако, я держался таких же точно убеждений, что и Уистон¹, и полагал, что священник англиканской церкви по смерти своей первой жены не имеет права жениться вторично, иными словами — я был сторонником строжайшего единобрачия.

С самых первых моих шагов я был посвящен в знаменательный спор, породивший столь великое количество ученых сочинений. Я и сам выпустил несколько трактатов, в которых излагал свой взгляд на этот предмет; правда, никто их не покупал, и они так и остались лежать у книгопродавца, но зато я утешался мыслью, что мои творения доступны одним лишь избранным счастливым. Кое-кто из моих друзей называл это моей слабостью — бедняги, разве просиживали они, подобно мне, долгие часы, размышляя о сем предмете? Я же чем больше думал о нем, тем больше постигал всю его важность. В осуществлении своих прин-

---

¹ Уистон, Уильям (1667–1752) — известный английский богослов и математик, сотрудник Ньютона. В 1711 г. опубликовал книгу «Историческое введение к возрожденному раннему христианству», а в 1715 г. основал общество, ставившее себе целью проводить в жизнь идеи, изложенные в этой книге. Взгляды Уистона казались настолько опасными, что он был изгнан из Кембриджского университета и против него был начат процесс по обвинению в ереси. Требование единобрачия духовенства было лишь одной из особенностей религиозной доктрины Уистона, но герой Голдсмита и во многом другом близок взглядам Уистона — главным образом в противопоставлении морали раннего христианства современной испорченности нравов.